ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию
Ибадова Нуширавана Вагиф оглы
«Политика мягкой силы Турции в Центральной Азии (2002–2025)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.7 «История международных отношений и внешней политики»

Диссертационное исследование Ибадова Нуширавана Вагиф оглы посвящено одной из значимых проблем истории международных отношений начала XXI в. - становлению и развитию комплекса невоенных инструментов внешней политики Турции в Центральной Азии. После 2002 г. политика Турции в регионе приобрела новые формы и стала опираться на сочетание образовательных, культурных, религиозных и экономических инициатив. Обращение диссертанта к этому вопросу представляется обоснованным, так как исследование весьма важно для понимания трансформации региональных связей, роли международных институтов и изменения внешнеполитических возможностей государств Центральной Азии в условиях их многовекторной политики.

Представляется обоснованным и выбор хронологических рамок 2002–2025 гг., так как позволяет сопоставить этапы формирования институциональной инфраструктуры турецкого присутствия и проследить изменения ее функций. При этом тема соответствует специальности 5.6.7, так как автор обращается к истории внешнеполитического курса, двусторонних и многосторонних отношений и деятельности международных институтов.

Оценка структуры, содержания и исследовательской базы показывает, что диссертация построена по принципу от общего к частному, имеет последовательную традиционную структуру и включает введение, три главы, заключение и список источников и литературы. В первой главе рассматриваются концептуальные и правовые основания турецкой политики. Во второй - ее финансово-экономические, научно-образовательные, культурно-гуманитарные и религиозные инструменты. В третьей - результаты, ограничения и предполагаемые направления дальнейшей трансформации.

Следует положительно отметить стремление автора изучить турецкую политику не как сумму отдельных проектов, а как совокупность взаимосвязанных институтов и практик. В анализ включены Турецкое агентство

по сотрудничеству и координации (TİKA), Институт Юнуса Эмре, Фонд «Маариф», структуры религиозного взаимодействия и Организация тюркских государств. Такой подход дает возможность сопоставить внешнеполитические установки с формами их реализации на региональном уровне.

Методологически диссертант опирается на концепции «мягкой силы» Дж. Ная, неоклассического реализма, институциональный подход, использует методы анализа документов, статистических материалов и событий. Положительной оценки заслуживает обращение к турецким документам и статистике, а также сопоставление сведений турецких ведомств с данными национальных статистических служб государств Центральной Азии. При этом обоснованность отдельных причинно-следственных умозаключений требует дифференцированной оценки, о чем будет сказано ниже.

Оценивая научную новизну и значимость результатов диссертации, следует отметить проделанную автором систематизацию форм турецкого влияния с выделением экономического, образовательного, культурного и религиозного направлений и описанием изменений их институционального обеспечения. Обоснованным является и вывод о переходе от преимущественно символической апелляции к культурно-языковой общности к прагматически организованному и многоуровневому сотрудничеству. Этот вывод позволяет поставить вопрос о соотношении идеологических оснований, административных ресурсов и реальных результатов турецкой внешней политики.

Заслуживает положительной оценки обращение автора к религиозной составляющей «мягкой силы» (что нечасто встречается в работах по «мягкой силе»), а также анализ трансформации образовательных инструментов.

Отдельно отметим стремление автора оценить эффективность «мягкой силы» Турции, что само по себе представляет серьезную теоретическую и практическую проблему. Поиск критериев и показателей такой эффективности на практике весьма затруднен.

С точки зрения понимания процессов, происходящих в центральной Азии и определения роли Турции в них, представляется важным вывод автора об ограниченности турецких возможностей вследствие внутренних экономических факторов, конкуренции внешних партнеров и осторожного отношения государств региона к зависимости от одного центра влияния. В научном отношении весьма полезна сама постановка проблемы пределов эффективности

«мягкой силы», поскольку наличие институтов и масштаб программ не равнозначны политическим результатам.

Практическая значимость работы связана с возможностью использовать собранный материал при подготовке университетских курсов по истории международных отношений, внешней политике Турции и современной Центральной Азии, а также в экспертном анализе культурно-гуманитарных механизмов межгосударственного сотрудничества.

При общей положительной оценке проделанной работы отмечу ряд замечаний и положений дискуссионного характера.

1. Представляется необходимым более точно операционалировать понятия «мягкая сила» и «умная сила», используемые в диссертации, определить использует ли автора понятие в трактовке Дж. Ная (эта концепция завялена в теоретико-методологической базе) или же применяет авторское определение (что более очевидно, судя по тексту диссертации). В частности, инвестиции, военно-техническое взаимодействие, стандартизация логистических процедур и институциональная взаимозависимость не во всех случаях являются проявлениями именно привлекательности (в традиционном концепте «мягкой силы»). Да и сам автор нередко использует терминологию принуждения и давления. Точное определение понятия «мягкая сила» имеет принципиальное значение для интерпретации результатов е (особенно в разделе 3.3).
2. Было бы целесообразным скорректировать название раздела раздел 2.2. о научно-образовательном сотрудничестве, оставив только образовательное, так как в тесте диссертации научное сотрудничество не рассматривается.
3. Раздел «Пути повышения эффективности политики мягкой силы Турции в Центральной Азии» предполагает рекомендации для конкретного субъекта. Хотелось бы уточнить у автора, с точки зрения интересов каких государств (Турции или стран Центральной Азии (вместе или по отдельности)) разрабатывались пути повышения эффективности «мягкой силы» Турции? Какие конкретно критерии оценки и показатели эффективности применял автор, какие методы ее измерения использовал? Из текста диссертации это не понятно. В тексте диссертации завяленное воздействие Турции на предпочтения центральноазиатских стран слабо

аргументировано, а причинно-следственные связи мало доказательны. Критерии, показатели, и методы оценки эффективности «мягкой силы» Турции вместе с предлагаемыми путями повышения ее эффективности следовало бы вынести в отдельное положение на защиту, в новизну и значимость диссертации, так как эффективности посвящена целая глава диссертации.

4. Отдельные положения диссертации характеризуются чрезмерной категоричностью оценок, не в полной мере подкреплены эмпирическими материалами. Требует дополнительных доказательств утверждение о формировании посредством образовательных программ «лояльных элит», о «беспрепятственном проникновении» турецкого коммерческого сектора в ключевые государственные отрасли ряда стран, в том числе «в самую консервативную сферу государственного управления республик, потеснив там традиционных поставщиков вооружений», о том, что «переработка национальных гражданских и торговых кодексов представляет собой высший пилотаж эффективности мягкой силы», а «Центральноазиатские политические элиты, прошедшие многолетнюю обработку инструментами культурной и образовательной дипломатии, сегодня воспринимают турецкое правовое поле в качестве безусловного эталона модернизации», о «перехвате контроля над политическим дискурсом», о «добровольной интеграцией национальных медийных систем Центральной Азии с мощной турецкой информационной машиной», о восприятии населением Центральной Азии текущих глобальных кризисов «не через призму Москвы или Вашингтона», а через фокус турецкой геополитической трактовки», об «успешной институциональной ревизии исторической памяти» в рассматриваемых странах и о том, что «национальные министерства образования добровольно легализовали турецкий исторический нарратив, интегрировав его в базовые школьные программы», и о таком «абсолютном политическом достижении», как «воспитание новой центральноазиатской молодежи на базе единого тюркоцентричного мировоззрения, написанного по лекалам Анкары» и о том, что «центральноазиатская молодежь начинает жить в полностью турецкой цифровой среде» и др. Кроме слабой доказательной базы и аргументированности этих умозаключений автора, часть этих выводов

противоречит выводам автора в другом разделе диссертации, где описаны ограничения турецкой «мягкой силы».

5. Несмотря на то, что в тесте диссертации автор говорит о некоторых различиях стран Центральной Азии, в выводах присутствуют неточные обобщения и регион рассматривается как относительно единое пространство. Сравнительная матрица по пяти государствам позволила бы точнее раскрыть неодинаковую восприимчивость к турецким инициативам, причины этого и степень субъектности стран региона в отношении влияний Турции. Объяснительные подходы автора также нуждаются в большей аргументации и глубине. Объяснение причин использования разных инструментов и направлений турецкой «мягкой силы» в разных страновых контекстах иногда объясняется «отсутствием финансирования», «спецификой государственного устройства» и другими причинами, мало обоснованными эмпирическими данными. Как пример - недостаточно объяснить особенности «мягкой силы» Турции в Таджикистане только «персоязычностью» населения Таджикистана. Что еще влияет на такую «особу» политику Турции в Таджикистане? Кстати, в этой связи, вызывает интерес вопрос: учитывая примерно 11-12% узбекского населения в Таджикистане, рассматривает ли Турция тюркоязычное население этой страны как самостоятельную целевую группу своей политики «мягкой силы»?
6. Нормативно-законодательные источники, завяленные в списке литературы к диссертации, показывают недостаточную проработанность институциональной базы стран ЦА и как следствие недостаточную обоснованность выводов об их «институциональной слабости» в ряде вопросов. Например, большей обоснованности требует вывод об «институциональной слабости национальных государственных медиаинститутов» Кыргызстана. Автором, в целом, не учтены изменения 2023-2026 годов в законодательстве большинства стран Центральной Азии, направленные на комплексное государственное регулирование медиарынка, цифровых платформ и национального информационного пространства, а также деятельности иностранных НПО. При всей успешности политики «мягкой силы» Турции, на мой взгляд, автор несколько идеализирует и переоценивает роль турецкого контента и турецких медиаресурсов в информационным поле стран Центральной Азии. Выводы о распространение турецких дискурсов и нарративов

требуют серьезного контент-анализа медиа-поля и оценки динамики численности аудитории СМИ (в том числе и турецких медиаресурсов). Переоценивается и роль образовательных инструментов Турции в формировании политических элит Турции, если посмотреть на биографии представителей этих элит и долю турецких предложений в общей структуре образовательных предложений от иностранных государств.

7. Диссертация местами написана ненаучным языком. Местами в тексте диссертации не понятно, то ли это позиция автора, то ли это позиция Турции, обозначенная в каких-то документах (и совпадают ли эти позиции). Например, на стр. 56 - «Великая держава не может зависеть от других стран. Наоборот, другие государства должны зависеть от нее…» или «стране нужно стать незаменимым узлом, через который идут мировые деньги, грузы и политические переговоры». Кроме того, не соблюдены требования ГОСТ по оформлению рисунков и таблиц в тексте. В частности, у рисунков нет названия и источника данных (или подписи, что составлено автором). В таблицах так же не обозначены первоисточники данных.

Указанные замечания затрагивают главным образом уточнение понятийного аппарата, более строгой аргументации и доказательности выводов автора, способов проверки эффективности и масштабов отдельных обобщений, но не снижают научной и практической значимости результатов исследования.

Основные результаты исследования нашли свое отражение в авторских научных статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах из списка ВАК и Перечня РУДН им. Патриса Лумумбы.

Тексты публикаций и автореферат соответствуют основным положениям диссертационной работы.

Заключение. Диссертационное исследование Ибадова Нуширавана Вагиф оглы «Политика мягкой силы Турции в Центральной Азии (2002–2025)» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной проблемы, имеющей важное теоретическое и практическое значение.

Представленная работа, в целом, соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, согласно п. 2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном

учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного ученым советом РУДН, протокол № УС-1 от 22.01.2024 г. При соответствующей защите автор диссертации – Ибадов Нушираван Вагиф заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Официальный оппонент:
Комлева Валентина Вячеславовна,
доктор социологических наук
(специальность 22.00.06 – Социология культуры, духовной жизни), профессор,
заместитель директора по научной работе
АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

«15» октября 2026 г.

Подпись В.В. Комлевой удостоверяю
Ответственный за кадровое делопроизводство О.В. Недорезова

«15» октября 2026 г.

Контактные данные:
Автономная некоммерческая организация
«Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»
119034, Москва, Коробейников пер., д.22, стр.1.
Тел.: +7 (495) 252-67-88; e-mail: komleva@nicrus.ru